

НОВЫЕ КНИГИ

С.Ю. Барсукова

РАЗГОВОР ПРО «ТЕНЬ», НЕ НАВОДЯ ТЕНЬ НА ПЛЕТЕНЬ...

Рецензия на книгу: *Латов Ю.В., Ковалев С.Н. Теневая экономика: Учебное пособие для вузов. М.: Норма, 2006.*

БАРСУКОВА

Светлана Юрьевна – д. соц. н.,
профессор кафедры
экономической социологии
ГУ-ВШЭ.

Email: svbars@mail.ru

Книга Ю. Латова и С. Ковалева не подлежит критике. Не только потому, что мне ее подарил один из авторов, с которым меня связывают рабочие контакты и на работах которого я постигала «азы» этой темы. Хотя и это, согласитесь, не мало. Но есть и более веские основания. *Эта книга – образец реферативной добросовестности.* Говорю это со знанием дела – большую часть работ, упомянутых авторами, я читала. Правда, от чтения в голове осталась взвесь восторгов и разочарований, ощущение бесконечных повторов и глухое раздражение по поводу терминологической неупорядоченности. И ни одного конспекта. Тем радостнее было встретить книгу, искупающую мою неорганизованность. Фактически – это сборник конспектов. В хорошем смысле слова. То есть конспекты упорядочены, композиционно и хронологически выстроены, разбиты по темам и снабжены смысловыми переходами. Сделано это ювелирно. Вряд ли от чтения первоисточников студент вынесет больше, чем от пересказа Ю. Латова. Он мастер: берет глыбу и отсекает лишнее. От всех этих де Сото, Портесов, Беккеров только щепки летят: на пару страниц умещаются, и ведь без потери содержания. Правда, студент рискует не узнать, что Э. де Сото публицистически ярк, А. Портес академически сдержан, а Г. Беккер эпатажно логичен. Но конспект на то и конспект, чтобы приводить всех к одной температуре. Нормальной, комнатной.

Революционных идей авторы не добавляют, что в данном жанре скорее достоинство, чем недостаток. Это литературный путеводитель, качественная систематизация отечественных и зарубежных работ, статистики, эмпирических фактов. Одним словом, книга из тех, что обязательно иметь под рукой. Как УК. По мере надобности туда заглядывают. Но вот чтобы вечером, с желанием получить удовольствие... И чтобы бегом к ноутбуку, потому что снизошло озарение (понятно, что утром поймешь – очередной бред)... И чтобы менялась картина мира, или хотя бы один пазл в ней... Тут извините...

Но в какой-то момент УК важнее Библии. Так и книга Ю. Латова и С. Ковалева. Многие их благодарят, с чистым сердцем и полным основанием. Это действительно хороший продукт. Качественный. Без скоропортящихся наворотов в виде «оригинальных идей», когда вся оригинальность – от никакой образованности и нелюбви к чтению текстов, написанных другими. Зайдите в книжный – оригиналов много, почитать нечего.

Это я все к чему: судить книгу можно по той заявке, которую сами авторы делают. В данном случае перед нами учебное пособие с отчетливым реферативным уклоном. По нему и скатимся.

* * *

Начинается книга с обложки. На ней люди в маскировочных масках проводят задержание преступников. Буквальное фото. Причем преступников не простых, а экономических, о чем можно догадаться по надписи на заборе – торгово-продовольственная компания. Обложка выполняет свою функцию блестяще: ясно, что разговор будет конкретный, и ясно о чем.

Первая же глава дает предельно лаконичное (3 стр.) представление о структуре теневой экономики. Читаешь и завидуешь. Помню, как сама пыталась систематизировать структурные представления разных авторов. Хотя лучше забыть. Так они мне и не покорились. Перечисление авторских позиций – прием, которым я расписалась в бессилии свести эти позиции в стройную систему. Ю. Латов и С. Ковалев, похоже, столкнулись с той же проблемой. Но решили ее иначе. Изменив своей реферативной добросовестности, они дают свою типологию, сводящую теневую экономику к трем сферам – криминальный бизнес, нерегистрируемый (но разрешенный) бизнес и скрываемая экономическая деятельность легальных работников. В авторской версии это выглядит соответственно как «черная», «серая» (неформальная) и «вторая» (беловоротничковая) теневая экономика. Это существенный момент, потому что как корабль назовешь, так он и потонет. Авторы, пользуясь своим правом, определили границы анализа. Никто это право не оспаривает. Но ведь учебник же, ему дети верить будут. Это, простите за пафос, ответственность налагает.

Все-таки для порядка надо бы дать понять, что авторская типология – мягко говоря, не единственная. И что есть устойчивая традиция широкого толкования неформальной экономики, объединяющей все виды экономической активности, регулируемой неформальными институтами. И в этой традиции неформальная экономика не ограничивается теневой и криминальной деятельностью, включая также домашнюю экономику и реципрокные обмены (т.н. социальную экономику). Не самые последние ученые придерживаются этой традиции. Апеллирование к авторитетам – не довод, поэтому фамилии опустим. Заметим лишь, что сам К. Харт, автор концепции неформальной экономики, изначально действительно охватывающей лишь нерегулируемую самозанятость («неформальный сектор»), впоследствии признал эволюцию этого понятия: «Неформальная экономика ныне рассматривается как универсальное свойство индустриальных стран и включает от домашнего самообеспечения до криминализации экономики»¹. Глупо требовать от авторов книги внимания ко всем неформальным сферам. Они вправе прочертить границы своих научных изысканий вдали от кухонной утвари и родственно-дружеских обменных сетей. К тому же титульная принадлежность учебника Московскому университету МВД России многое объясняет. Стало быть, есть еще зоны хозяйствования, не причисляемые к «внутренним делам» страны. Можно только порадоваться этому факту. Но хотелось бы

¹ Hart K. Bureaucratic form and the informal economy // Linking the formal and informal economy: concepts and policies / Ed. by B. Guha-Khasnobis, R. Kanbur, E. Ostrom. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 27.

радоваться вместе с авторами, осознающими и обозначающими специфику своей позиции. И не в глубине души.

Вообще я читатель в данном случае специфический. Даже слишком. Собственные работы и многолетнее преподавание курса, посвященного неформальной экономике, привели к профессиональной деформации личности. Не могу читать эту книгу с «белого листа». По тому же минному полю идут товарищи, любопытно сравнить потери. Другой бы прочитал обзор методов измерения теневой экономики и поразился красоте графической типологии. Есть что-то завораживающее в квадратах, соединенных стрелками. А я вопию, что еще парочку забыли (надо же чем-то компенсировать то, что о многих методах я не слышала). И примеряю текст на студента, выбирая того, кто разумным кажется, пока молчит и слушает. Помогут ли ему квадратики? Надо признать, что помогут. Нанесет он их как временное тату на мозги и экзамен сдаст. Зря я, наверное, заморачивалась: достоинства и ограничения каждого метода вытаскивала, зону охвата, непроговариваемые предпосылки... Опыт показал, что дальше первого ряда аудитории этот подход не работает. Да и то, если повезет.

Лозунг «Больше студентов, хороших и разных» с годами приобрел законченную форму, избавившись от лишних слов. Словом, если «больше», то «разных». Поэтому и книги нужны разные. Одни бьют как снайперы по первым рядам, другие глушат как гаубицы по бескрайним просторам российского студенчества. К слову, моя книжка вышла тиражом 1000 экземпляров, а рецензируемый труд только дополнительный тираж имеет 2000. Про основной и подумать завидно.

Надо признаться, что зависть в процессе чтения меня посещала не единожды. Вот пишут же люди про «повсеместную коррупцию» (с. 39) в развивающихся странах и нормально. Диагноз по самую шляпку забивается. На количественные данные опять же опереться можно, на международные рейтинги. А тут мучаешься от всяких социологических и антропологических заумей: коррупция ли то? можно ли западные оценочные лекала на иной мир накладывать? и кто коррумпирует этот мир, если в этих странах при дефиците национального капитала действуют преимущественно транснациональные корпорации? Сплошные вопросы. А читателю оно надо? Особенно студенту? Ему однозначность нужна. А первый ряд перетерпит...

Кстати, про однозначность. Я искренне считаю, что в качестве учебного пособия на начальном этапе пригодны именно такие учебники. Авторы понятным языком довольно кратко излагают правильные мысли, не наводя тень на плетень. Они задают базовую схему. Потом желающие пойдут дальше. И по мере продвижения, возможно, они сильно доработают эту схему. Может быть, до неузнаваемости. Но чтобы шагнуть вперед, надо оттолкнуться от твердой почвы. Стоя на киселе из противоречивости, недосказанности и гениальной неоднозначности, у студента одна мысль – удержаться на ногах, устоять.

У книги есть и другое достоинство. Хотя не исключаю, что за него авторам достанется. Я про переменную верность экономическому подходу. Стараются авторы быть правоверными экономистами, но материал книги в эту методологическую рамку явно не помещается. Исторические экскурсы, социологические и культурологические интерпретации, морализаторство вторгаются довольно активно. Кто-то сочтет это слабым местом книги. Мне лично глубоко симпатично, что авторы не готовы ради методологического очищения сузить свои представления о предмете. Скучны те, кто на старте прикидывают, по какому ведомству им награды вручать будут. Ю. Латов и С. Ковалев не из их числа. Они гибко и оправдано меняют поля: статистические хроники сменяются институциональным анализом, а историографические сюжеты соседствуют с данными социологических опросов. Недоброжелатели назовут это эклектикой, а я вспоминаю одного искусствоведа, который однажды просветил меня, что раньше эклектикой считалось смешение стилей, а теперь эклектика стала самостоятельным стилевым направлением. Похоже, не только в искусстве.

Заявленная структура теневой экономики определяет структуру книги. «Беловоротничковая» теневая экономика (экономические преступления легальных работников) рассматривается на примере коррупции и ухода от налогов (часть 2). Нерегистрируемая экономическая деятельность, как и положено учебнику, обсуждается под знаком «неформального сектора» К. Харта и «невидимой революции» Э. де Сото (часть 3). А запрещенная законом «черная» (преступная) экономика рассматривается через призму теории рационального выбора и экономической теории организованной преступности (часть 4).

Бросается в глаза некоторое несоответствие: обсуждение «беловоротничковой» теневой экономики идет вокруг России, а разговор про неформальный сектор нашу страну минует напрочь. Это тем более несправедливо, что Росстат не первый год фиксирует число занятых в российском неформальном секторе со всеми возможными разбивками. Между прочим, порядка 7 миллионов наших сограждан получается, если только основную или единственную работу учитывать. А с дополнительной занятостью за 9 миллионов легко переваливаем.

Впрочем, подозреваю, что «забыли» Россию не случайно. Критерии отнесения к неформальному сектору в России категорически не хартовские². Все ПБОЮЛ (предприниматели без образования юр.лица) туда попали, все фермеры, все самозанятые. И регистрация, уплата налогов ничего не меняют: самозанятый, фермер – представитель российского неформального сектора по определению. Хоть обвешайся лицензиями и грамотами за превышение задания по налогам. И какая в нашем неформальном секторе доля действительно «неформалов» в хартовском смысле – никто не знает³. Но очевидно, что между занятостью в неформальном секторе и неформальной занятостью – большая разница. И смысловая, и статистическая. Поскольку внутри формального и неформального секторов экономики есть разделение рабочих позиций на формальную и неформальную занятость. Скажем, официально неоформленный рабочий крупного завода – неформально занятый, но в неформальный сектор он не попадает. А вот самозанятый безоговорочно относится к неформальному сектору, и только при условии отсутствия патента или лицензии – к неформальной занятости. В России эти категории считаются сугубо отдельно, поскольку в основе неформальной занятости лежит характер деятельности, т.е. индивидуальная характеристика рабочего места, а принадлежность к неформальному сектору определяется статусом экономической единицы⁴.

И это не прихоть российских статистиков. Резолюция 15 международной конференции статистиков труда (1993 г.) закрепила операционализацию неформального сектора на основе *характеристики предприятий, а не отдельных рабочих мест*. В 2001 г. Госкомстат России утвердил положение по измерению занятости в неформальном секторе, согласно которому критерием отнесения к этому сектору является *отсутствие государственной регистрации в качестве юридического лица*. (А в ряде стран – по размеру предприятий.) То есть подсчет ведется на уровне целых предприятий, тогда как внутри предприятий неформального сектора могут быть как формально, так и неформально нанятые работники. Впрочем, как и внутри предприятий формального сектора. В результате занятость в неформальном секторе лишь частично пересекается с понятием неформальной занятости. Это студентам авторы не

² Барсукова С.Ю. Неформальный сектор: понятие, традиции изучения // Вопросы статистики. 2006. № 1.

³ Сравните отношение нашей статистики с позицией К. Харта: «Когда бюрократия пытается помочь неформальному сектору – предоставляя кредиты, помещения, технологии и пр. – это убивает неформальность и более того, ведет к налогообложению» [Linking the formal and informal economy: concepts and policies / Ed. by V. Guha-Khasnobis, R. Kanbur, E. Ostrom. P. 26].

⁴ Расчеты занятости в неформальном секторе России см.: Гимпельсон В.Е. Занятость в неформальном секторе в России: угроза или благо? // Препринт WP4/2002/03. М.: ГУ-ВШЭ, 2002. Неформальная занятость количественно определена в работе: Синявская О.В. Неформальная занятость в России: измерение, масштабы, динамика // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 2. С. 12–28.

говорят. Жалеют, видно. Да и сами, похоже, такими мелочами готовы поступиться, легко превращая в синонимы неформальный сектор и неформальную экономику, неформальную занятость и занятость в неформальном секторе. По мне так и упрощение должно знать меру.

Так же привлекательно просто выглядят сравнительные таблицы масштабов теневой экономики в развитых странах (с. 105–106). Беспристрастные цифры свидетельствуют о том, что не все европейские национальные экономики одинаково «чисты». Предвижу кипы студенческих эссе с использованием этих данных. Нет, не кипы. Курганы. Потому что ничто не возбуждает студентов так, как однозначность, облеченная в цифры. Тут и первые ряды не устоят. Чем меньше знаешь, тем более информативными кажутся такие таблицы.

Но какие могут быть претензии к авторам? Все цифры снабжены соответствующими сносками. Издание, год, страница. Однако рискну предположить, что читатель даже примерно не представляет себе, какая составная часть теневой экономики улавливается методом В. Танзи, а какая – нет. По крайней мере, тот обзор методов, который чуть раньше предложили сами авторы, такими познаниями явно не нагружает. Мне лично эти таблицы кажутся сплошным ребусом. Сказано, например, что оценка для ФРГ получена «по К. Кирхгасснеру». Замечательно. Но простите за необразованность, – это авторский метод? в чем его суть? или так звали господина, который посчитал по чьей-то методике показатель для ФРГ? тогда какой метод он использовал? Дальше больше: насколько соизмерим этот показатель с оценкой для Норвегии, которая приводится «по И. Лундагеру и Ф. Шнайдеру»? они какой метод использовали? Я окончательно рискую прослыть занудой, но уверяю, что разные методы дают слабо сравнимые результаты. Чуть раньше сами авторы без особых пояснений информировали, что в США в конце 1970-х оценка теневой экономики варьировала от 33 до 4% ВВП (с. –103). Первая оценка – продукт Э. Фейджа, вторая – В. Танзи. Заметим, оба – уважаемые люди. Кстати, считают они в том числе теневую деятельность легальных фирм. Потому что неформальная экономика и нерегистрируемый бизнес тождественны лишь в рамках дискурса о развивающихся странах.

Видимо, авторы, сами страдают от разнобоя цифр. Скажем, теневая экономика Дании оценивается («по Ф. Шнайдеру») в 1980 г. как 7–10% к ВВП, а в 1994 г. – уже 18%. То есть произошло удвоение «тени»? Похожая картина по Норвегии, Швеции. Очень трудно поверить в такую теневую динамику. Авторам тоже. Поэтому они данные за 1980 г. обозначают как масштабы «теневой экономики» (табл. 8–5, с. 105), а данные за 1994 г. относят на счет «подпольной экономики» (табл. 8–6, с. 106). Остроумно. Тем более что страницей ранее говорят, что это одно и то же.

Можно, конечно, сослаться на то, что это страны с социально ориентированным рынком, которые в этот период переживали кризис, что и проявилось в буме теневой экономики. Но, во-первых, в книге про это ни слова, во-вторых, это всего лишь догадка, не более. Да и нужны ли такие объяснения? Легко подобрать среди опубликованных и признанных работ еще более впечатляющие расхождения цифр. Потому что корень – в проблеме измерения «неизмеримой экономики». *Вооруженный цифрами студент становится опасен в своем невежестве.* Я бы на месте авторов не манипулировала названиями таблиц, маскируя разнобой цифр, а, наоборот, использовала бы эту статистику, чтобы лишний раз показать, – разные схемы подсчета приводят к разным результатам. Отсюда один шаг к выводу о бесконечном потенциале идеологической услужливости внешне непристрастных любителей математики.

Ожидания, сформированные обложкой, полностью оправдываются в следующих главах. Читать про криминальный бизнес одно удовольствие (часть 4). И от стиля (кратко, емко), и от духоподъемных сведений (например, что доходы у рядовых мафиози так себе, на уровне средних). Кругозор трещит от новых вливаний. Мне запомнилось, что один латиноамериканский наркобарон предлагал погасить внешний долг страны в обмен на

амнистию сына. Про налогообложение японских мафий (якудза) тоже впервые прочитала. Словом, когда сама мало знаешь, расслабляешься и получаешь удовольствие.

Главное достоинство этого обзора в хорошей теоретической нагруженности текста. Внятно изложена традиция изучения преступления как индивидуального рационального выбора (Г. Беккер), показана ограниченность такой исследовательской перспективы. Рассказ про мафию погружен в контекст теории организации (тип внутренних связей, способы утверждения авторитета и пр.) и макроэкономического анализа.

Тут бы и остановиться, но авторы вторгаются в область, где, по их собственным признаниям, общепризнанных научных работ нет вообще. Речь идет о глобализации криминальной экономики (часть 5). Умение авторов систематизировать исследовательские подходы оказывается невостребованным. Собственные попытки вписать хронику наркоторговли («опиумный вызов» Запада и «героиновый ответ» Востока) и терроризма в мир-системный анализ И. Валлерстайна трудно признать солидными. Привязка к теории выглядит довольно поверхностной. Валлерстайн, как ни ужимай, на полстраницы не помещается. Хотя, возможно, у авторов был свой расчет: с помощью этой главы выгодно подчеркнуть достоинства предыдущих глав. Им это удалось.

Борьба с теневой экономикой (именно борьба, а не легализация, так как речь идет преимущественно о криминале) рождает тихую зависть социолога к экономистам (часть 6). Наверное, приятно ужать мысль до графика или формулы. Вопрос смертной казни, тяжести наказаний, легализации наркотиков сводится к минимизации ущерба в сравнении с затратами. Лучшего реферирования работ по экономике преступлений и наказаний я не встречала. Когда мне понадобится показать студентам, что специфика экономики как науки состоит не в том, *что* изучают, а *как* изучают, я обращаюсь к этим главам.

Видимо, для большего контраста, подчеркивающего красоту рафинированных экономических моделей, авторы напоследок обращаются к социологическим размышлениям о теневизации экономики в советской и постсоветской России (часть 7). Советский период представлен работами Л. Тимофеева и С. Кордонского. Приятно, когда награда находит героев. Ныне их идеи известны настолько, что кажутся очевидными. Между тем они были новаторскими для своего времени, и только аутсайдерское место России в мировом обществоведении не позволило им получить заслуженную известность.

Постсоветский период сосредоточен в основном на проблеме «антикапиталистической ментальности» россиян и эволюции «крышестроительства». По поводу ментальности спорить не хочу, зная, как убедительно это делают другие. Понимаю авторов, желающих внести собственный вклад, но у учебного пособия особая ответственность. Не стоило дискуссионным вопросам присваивать статус очевидности.

В целом, получилась хорошая книга с явным реферативным уклоном. Можно, конечно, возразить по поводу включения криминальной экономики в теневую. Все-таки первую пытаются уничтожить, а вторую легализовать. Да и с точки зрения сложившейся в мировой науке терминологии странно получается. Но спорить не хочется. Авторы изначально заявили о своей терминологической свободе. А посягать на свободу не имею ни сил, ни желания.

Можно также поворчать на то, что авторы явно не обновляли текст последние несколько лет. Показательно, что анализ чеченского криминала остановился на отметке 1999 г. (глава 17). А книга про контрабанду в глобальном мире, выпущенная в 1985 г., снабжена предательским пояснением, что случилось это «более 15 лет назад» (с. 177). То есть пару лет назад такая сноска была в самый раз. Вообще в тексте книги практически отсутствуют обращения к работам, изданным после 2002 г. Обновление коснулось лишь рекомендуемой литературы в программе учебного курса. Но трудно ставить это авторам в упрек. Ценность книги состоит в систематизации подходов, а не в описании отдельных работ. Величин, равных Г. Беккеру, А. Портесу, Э. де Сото, К. Харту, в последние годы не прибавалось. К тому же учебное

пособие по определению консервативно, что предполагает временную дистанцию от только что изданного. Так что для приличия пожурим авторов, но не более.

Досадны бреши, через которые просвечивает технология составления книги из отдельных статей. В принципе, так и надо. Статьи – это передовые окопы науки. Книги – ее штабной блиндаж. Но все же сводить текст воедино надо было тщательнее. Повторы в пересказе идей Э. де Сото порой носят дословный характер (с.114–115, с. 253), а загадочная «фраза, которая вынесена в эпитаф» (с. 272), обрекла меня на безуспешные поиски. Пока не поняла, что, видимо, речь шла об эпитафее к статье.

Главное мое неудовлетворенное любопытство сводится к вопросу: а если все законопослушны? «белые воротнички» не берут взяток и не утаивают доходы, мелкие производители сплошь зарегистрированы и подотчетны, а криминал выбросил белый флаг и стал строить честный капитализм? – тогда конец неформальной экономике? Видимо, нет. Потому что неформальное – единственно возможная форма существования формального. И всегда будут неформальные регуляторы поведения, невидимые иерархии и предпочтения, непроговариваемые правила, без которых реальная экономика не существует. Не говоря уже о том, что целые сегменты экономики не подлежат формализации по определению (например, домашняя экономика). Словом, неформальные правила игры не устраняются победой правоохранительных органов. Но это уже другая литературная традиция, другие авторы, другой фокус анализа. Ю. Латов и С. Ковалев написали книгу преимущественно про противозаконную деятельность. Важно понимать ее место в общей системе координат литературы про неформальный мир.

Заканчивается книга приложениями учебно-методического характера (темы лекций и семинаров, контрольные вопросы). Забавно звучит название первого приложения: «Десять книг, которые перевернули представления россиян о теневой экономике». Аналогия с «десятью днями, которые потрясли мир», довольно символическая. Как мир устоял и даже спустя каких-то семьдесят лет повернулся к этим дням спиной, так и россияне не почувствовали ничего нового в отношении к чиновникам, к законам, к бандитам. Книгам не дано воспитывать народ. К счастью. Книги могут этот народ понимать. По крайней мере, надеяться на это.